

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЖАНРОВ: ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

А. Г. Маслова¹
ORCID: 0000-0002-9118-2983
Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, д.36
ag.maslova@mail.ru

ЖИТИЙНЫЕ ТРАДИЦИИ В «ТРАУРНОЙ» ЛИРИКЕ Е. И. КОСТРОВА

В статье рассматривается взаимосвязь произведений Е. И. Кострова, написанных на смерть видных государственных деятелей, с агиографическим жанром Древней Руси. Исследовательский оборот впервые вводятся тексты, публиковавшиеся в XVIII веке и впоследствии не переиздававшиеся: «Стихи на кончину Московского градоначальника князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» (1782), «Стихи на кончину князя Василия Владимировича Долгорукого» (1782), «Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова» (1796). Анализируются также «Стихи на кончину сенатора Петра Васильевича Хитрова» (1793), вошедшие в сборник «Поэты XVIII века» (1972). В исследовании используется сравнительно-типологический метод. Устанавливается преемственность между плачами и риторическими приемами в произведениях Древней Руси, оплакивающих и прославляющих умершего святого, и «траурными» элегиями Е. И. Кострова. Ведущими эмоциональными темами в древнерусской агиографии и произведениях Кострова являются скорбь и восхищение. Связь с эмоционально-экспрессивным стилем древнерусской литературы в наибольшей степени выявляется в более ранних траурных элегиях. В них даются яркие эмоциональные

¹ Маслова Анна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет, г. Киров, Россия.

картины всеобщего плача, нагнетается атмосфера печали. Плачи в более поздних произведениях тоже присутствуют, но на первый план выходят другие темы: философские рассуждения о жизни и смерти и изображение добродетелей и заслуг умершего. Сквозным, связанным с русской православной ментальностью, мотивом во всех текстах является мотив переселения души умершего в пространство Вечности. Тема веры в умиротворенную жизнь души в Божественных селеньях оказывается ведущей в элегии, написанной в последний год жизни Е. И. Кострова. Основная идея всех его произведений заключается в утверждении добродетели и бессмертия тех, кто вел праведную жизнь на земле.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII века, древнерусская агиография, траурная элегия, житийный плач, аксиология литературы

Введение. Первый переводчик «Илиады» на русский язык Е. И. Костров, заслуживший в екатерининскую эпоху славу «российского Гомера» и состоявший с 1779 года в должности стихотворца при Московском университете, создавал произведения самых различных жанров. Наиболее часто представлены в его поэзии оды и эпистолы, написанные на официальные торжественные «случаи» – день коронации, восшествия на престол, рождения представителей царствующей династии и т. п. [10, 67–83] Однако в данном исследовании мы обращаемся к другим произведениям поэта, которые не только не становились предметом исследовательского внимания, но и по каким-то причинам не вошли в «Полные собрания сочинений г. Кострова», издававшиеся в 1802 и 1849 годах.

В творчестве университетского поэта выделяется особый корпус произведений «На смерть...», вписывающихся в жанр «траурной лирики», как его определил Д. В. Ларкович в своей монографии, где он анализировал жанр «траурной» оды Г. Р. Державина [8, 73].

Е. И. Костров написал несколько стихотворений-некрологов, связанных со смертью видных государственных деятелей. Это «Стихи на кончину Московского градоначальника князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» (февраль 1782), «Стихи на кончину князя Василия Владимировича Долгорукого» (октябрь 1782), «Стихи на кончину его превосходительства тайного советника, сенатора Петра Васильевича Хитрова» (апрель 1793), «Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова» (май 1796). Первые два произведения были опубликованы в «Московских ведомостях» (см.: [4; 7]), последние два вышли отдельными изданиями

(см.: [5; 6]). «Стихи на кончину Петра Васильевича Хитрова» были переизданы в томе «Поэты XVIII века» серии «Библиотека поэта» в 1972 году, остальные ни разу не переиздавались. В целом корпус траурных стихотворений Е.И. Кострова ранее не рассматривался исследователями как единая тематическая группа произведений, претерпевающая в творчестве поэта художественную эволюцию.

Целью данного исследования является введение в научный оборот практически неизвестных текстов Е.И. Кострова и осмысление их в контексте русской литературной традиции.

Предваряя анализ указанных траурных произведений Е. И. Кострова, необходимо упомянуть об образовании поэта, которое повлияло на присутствие в его поэзии агиографических элементов. Сын дьячка, рано потерявший своего отца, поступил на учебу в Вятскую духовную семинарию в 1765 году, где изучал древнегреческий и латинский языки, штудировал древнерусские книги, занимался на курсе пиитики, по всем предметам учился «превосходно и, по-видимому, в семинарии стяжал уже славу поэта» [1, 18]. В 1773 году он отправился в Москву, где поступил на учебу в Славяно-греко-латинскую академию, а затем, отказавшись от духовной карьеры, продолжил учебу в Московском университете. Биографические данные свидетельствуют о том, что полученное Е. И. Костровым образование, безусловно, включало чтение и осмысление древнерусской и святоотеческой литературы, в том числе житийных текстов.

Ход и результаты исследования. В первых двух «траурных» стихотворениях, написанных в начале 1780-х годов, проявилось влияние на поэта древнерусской житийной традиции. В отличие от од, в которых преобладает восторженная лира, данные произведения Е. И. Кострова как выпускника Вятской духовной семинарии тесно связаны с плачами, характерными для житийных текстов, написанных в стиле «плетения словес». В качестве примера можно назвать «Житие Стефана Пермского», написанное Епифанием Премудрым, завершающееся тремя плачами, и «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», где присутствуют плач княгини Евдокии и плач русского народа. Житийные плачи искусно совмещают похвалу заслугам святого, перечисление его добродетельных качеств, печаль по поводу его смерти и утверждение христианской идеи бессмертия души. Отметим также, что для Кострова была актуальна и светская традиция классицистической «траурной» элегии: «Элегия на смерть Петра Великого» (1725) В. К. Тредиаковского, элегии А. П. Сумарокова

«На смерть сестры авторовой Е. П. Бутурлиной» (1759),
«К г. Дмитревскому. На смерть Ф. Г. Волкова» (1763),
«К г. Дмитревскому. На смерть Т. М. Троепольской» (1774) и др.

В февральском номере «Московских ведомостей» 1782 года опубликовано стихотворение Е. И. Кострова «На кончину... князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского». Ориентируясь на традиции классицистической элегии, Е. И. Костров пишет свое произведение шестистопным ямбом, без разделения на строфы. Первые же строки создают эмоциональную атмосферу горечи и плача:

Что тако сетуешь средь мирных дней, Москва?

Какой печальный стон сынов твоих терзает?

И лаврами твоя венчанная глава

Почто себя в юдоль прискорбий уклоняет? [4, 81].

Поэт использует характерные для эмоционально-экспрессивного стиля древнерусской агиографии риторические фигуры. Д. С. Лихачев так охарактеризовал особенности экспрессивно-эмоционального стиля русской литературы конца XIV–XV вв.: «Невыразимость чувств, невыразимость высоты подвигов святого органически связаны со всей стилистикой житийных произведений – с их нагромождением синонимов, тавтологических и плеонастических сочетаний, неологизмов, эпитетов, с их ритмической организацией речи, создающей впечатление бесконечности чувств. Всё это призвано внушить читателю грандиозность и значительность происходящего, создать впечатление его непередаваемости человеческим словом» [9]. В стихотворении Е.И. Кострова мы видим подобные приемы. Нагнетается атмосфера всеобщей печали следующими практически друг за другом синонимичными лексемами и словосочетаниями: «сетуешь», «печальный», «юдоль прискорбий», «горести», «слез», «стенания», «печали общей мрак», «тоской терзаясь», «грудь наполненну стенаний». Сообщив о причине слез, проливаемых Москвой и её жителями, автор подчеркивает, что покинувший земную юдоль московский градоначальник «в вечность преселился» и удостоился радости стать собеседником «днесь живущим выспръ эфире». Звучит прямой призыв к обретшему вечный покой князю обратить свой взор на Москву:

Но ах! еще, еще, Россию ты любя,

Прости свой взор на дол подсолнечного мира.

Прости и виждь, о князь, как сетуют сердца,

Тобою некогда согреты, оживленны,

Но ныне своего защитника, отца

Навек уже, навек, к несчастью, лишены <...>
Возри! стремится вся те очи лобызать,
Которы с кротостью к несчастливым взирали,
И те уста, что суд и милость изливать
К отраде бедности гонимой поспешали [4, 81].

Наибольшую печаль по поводу смерти В. М. Долгорукого испытывают те, кому когда-то он помогал в несчастье, кого спасал от бедности. Наряду с печалью здесь отражается и круг добродетелей, которыми был наделен объект всеобщих стенаний. Это действенный отклик равнодушного государственного деятеля на беды и несчастья нуждающихся, готовность оказать необходимую помощь. В анализируемом фрагменте стихотворения обнаруживаются параллели со «Словом о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в котором автор обращается с призывом к умершему князю Владимиру встать из гроба и посмотреть на Русь, обретшую благоденствие в христианстве: «Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! <...> Посмотри же и на град <твой>, величем сияющий, посмотри на церкви процветающие, посмотри на христианство возрастающее, посмотри на град, иконами святых блистающий...» [13]. Но если писатель древней эпохи с оптимизмом взирает на христианскую Русь, то Е. И. Костров сосредоточивает внимание на теме скорби и несчастий тех, кто лишился покровительства и помощи ушедшего из жизни градоначальника.

В финале стихотворения, созданного на смерть В. М. Долгорукого, присутствует мысль о бессмертии безвременно ушедшего из жизни добродетельного чиновника. Бессмертие достигается истинным признанием заслуг достойного государственного деятеля современниками:

Тобой возвышенны трофеи на полях
Разрушит, может быть, и время быстротечно,
Щедроты же твои во радостных сердцах
Пребудут навсегда, не истребятся вечно [4, 81].

Анализ стихотворения показывает, что траурная элегия «На кончину... князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» воспроизводит основные содержательные и художественные элементы древнерусских житийных плачей, синтезирующих традиции ораторской прозы, призванной прославить объект воспевания, утвердить духовную силу и вечную ценность тех добродетелей, которыми обладал герой, и причитаний, гиперболизирующих всеобщую печаль и нагнетающих соответствующие эмоционально-экспрессивные элементы.

Наряду с передачей характерной для классицизма абстрактной «коллективной» эмоцией, отражающей «ритуальное переживание» [11], в «Стихах на кончину князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» мы можем увидеть и индивидуальное лирическое начало: в изображении рыданий потерявших своего защитника вдов и сирот, бедных и гонимых, слышится и плач самого лирического героя. Мы знаем, что Е. И. Костров сам вышел из беднейших социальных слоев и на собственном опыте испытал, как важна для таких, как он, помощь равнодушных людей, наделенных богатством и властью.

В том же 1782 году, 1 октября, в «Московских ведомостях» появляется еще одна «траурная» элегия Е. И. Кострова – «Стихи на кончину его сиятельства князя Василия Владимировича Долгорукого». Здесь, как и в предыдущем случае, на первый план выходят две темы: похвала покинувшему земную юдоль защитнику гонимых и несчастных и изображение всеобщей печали, уныния, слез тех, кто остался без защиты покровителя.

Согласно христианскому учению, душа, покинувшая земное бытие, не умирает, и эта мысль является сквозной в древнерусских текстах и в последующей русской поэзии, звучит она и в стихах-некрологах Е. И. Кострова. Именно «глубокая осмысленная вера в бессмертие души, надежда и упование на милость Божию кающимся грешникам и блаженную жизнь за гробом» является, как отмечает Н. П. Саблина, является главным ментальным состоянием русского народа со времени принятия крещения, это характерная черта Православия, один из ведущих его догматов [12, 111]. В «Стихах на кончину князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского» Е. И. Кострова также упоминается, как и в предыдущей элегии, о мире Вечности, куда переселился герой:

Дражайший князь! Прости! Оставил землю ты,
Оставил суетны и тщетныя мечты,
Грядешь на небеса, чтоб в лике лучезарных,
Любовью ко Творцу горящих, благодарных,
Взирать на Вышняго и невечерний свет,
Где горестей уже и мрачной ночи нет [7, 631].

Обращается автор с призывом к умершему взглянуть на мир, который он покинул, услышать рыдания и жалобы тех, кого «единым взором ты напасти прекращал, слезами токи слез несчастным осушал» [7, 631]. Сострадание, равнодушие здесь также оказывается высшим мериллом достоинств человека, удостоившегося высшей награды на Небесах.

Таким образом, как и в древнерусских плачах, завершающих житийные произведения, в «траурных» произведениях Е. И. Кострова 1782 года ведущими оказываются две темы: восхваление добродетельных качеств героя и изображение всеобщего плача оставшихся без его покровительства людей. В элегических стихах, написанных на смерть отличившихся своими благими делами современников, лирический герой Е. И. Кострова оплакивает умерших, сетуя на то, что путь их, усеянный добродетельными деяниями, прерван. Наряду с этим возникает и обязательный для агиографии мотив: утверждение бессмертия души, удостоившейся Божественного вознаграждения за свои добродетели.

Более поздние «траурные» произведения Е. И. Кострова 1790-х годов уже менее связаны с традициями древнерусских житийных текстов. На первый план в «Стихах на кончину Петра Васильевича Хитрова» выдвигаются философские мотивы, связанные с размышлениями лирического героя о кратковременности земной жизни, исполненной страстей и суеты, которой противопоставлен мир вечности. В этом произведении слышатся отголоски траурной оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского», раскрывающей антиномии противоречивого земного бытия, вмещающего жизнь и смерть, радость и печаль:

Средь пиршеств радостных, средь дружеских бесед
Музыки сладостью, забывши всё, пленяюсь;
Но вдруг печальный глас о смерти весть дает;
Я, содрогаясь, в унынье погружаюсь [3, 180].

Смерть становится событием, заставляющим задуматься о скоротечности человеческой жизни, о времени, неумолимо приближающем человека к смерти. Сравним эти строки с фрагментом из стихотворения Г. Р. Державина: «Утехи, радость и любовь / Где купно с здравием блистали, / У всех там цепенеет кровь / И дух мятется от печали. <...> Где пиршеств раздавались лики, / Надгробные там воют клики» [2, 86].

Выдвинув, подобно Г. Р. Державину, на первый план антиномичные вопросы быстротечности жизни и неотвратимости смерти, которые актуализируют трагическое мироощущение мгновенности человеческой земной жизни, Е. И. Костров в дальнейшем, как и в произведениях «на смерть» начала 1780-х годов, показывает печаль, скорбь, «стениящие сердца», актуализируя тему плача. Но в данном произведении плач уже не занимает такого существенного места, в основном поэт сосредоточивается на перечислении заслуг покинувшего земной мир Петра Васильевича

Хитрова. Как и в древнерусских житиях, здесь перечисляются самые различные добродетели героя, чуждого лести, охраняющего законы, всегда стоящего на стороне совести, оказывающего помощь вдовам и сиротам, являющегося «прибежищем гонимому от сильных», способного «сострадать страдающим сердцам», душа которого «в тени притворства не скрывалась» и «совесть правая в чертах лица являлась» [3, 181]. Все эти добродетели, по мысли автора, совмещаются в двух емких характеристиках: «Был верный церкви сын, был добрый человек» [3, 180].

Как и следует согласно агиографической традиции и христианскому сознанию в целом, добродетельное земное бытие вознаграждается Вечным блаженством, и ушедший из земного мира «верный церкви сын» и «добрый человек» достиг бессмертия:

Достиг пристанища ты в кроткой ладие
И вечности с холмов житейско видишь море;
Твое превыше туч в спокойстве бытие;
А мы в волнах сует и со страстями в споре! [3, 181].

Последним из анализируемой серии стихотворений является созданное в мае 1796 года произведение «Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова». Оно написано в последний год жизни поэта, и в нем мы можем увидеть иные акценты. Тема вечности, принимающей в свое лоно душу достойного человека, оказывается в этой элегии преобладающей, за счет чего создается умиротворенное настроение, ведь покинувший земной мир граф переселяется в «селенья» «вечнаго и праведна Царя» [6, 2]. В то же время мотив плача тех, кто лишился в земной жизни «радостей и счастья» в связи со смертью графа, остается: «Лишились мы – кого? плененны кем сердца, / Лишились радостей и счастья творца, / Мне ль капли исчислить тех добродушных слез, / Которыя о нем восходят до небес!» [6, 2–3] Наиболее значимым качеством ушедшего из жизни графа названа скромность, противопоставленная гордости и пышности: «Во знак, чтоб гордости своей всю никто не множил, / Граф скромностью своей всю гордость уничтожил, / Всю пышность, как Зенон, он гордо презирал, / Что льстило всем, того он строго избегал» [6, 3]. В финале Е. И. Костров повторяет характерный для древнерусских текстов об усопших прием, использованный в стихотворении 1782 года «На кончину... князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского», призывая умершего взглянуть на земной мир («Простри свой взор с небес», «Воззри на россов ты, на братьев ты воззри...») [6, 3]) и увидеть слезы и печаль соотечественников.

Заключение. Таким образом, можно отметить некоторую эволюцию «траурной» лирики Е. И. Кострова. В начале 1780-х годов поэт отразил в своих произведениях усвоенные им в духовной семинарии традиции плачей из древнерусской агиографии, откликавшейся на смерть досточтимых святых. Ведущими эмоциями в этих «траурных» элегиях становятся горечь и «стенания», а также восхищение добродетелями ушедшего из земного бытия оплакиваемого героя стихотворения. В более поздний период, в начале 1790-х годов, творчество Е. И. Кострова насыщается философскими мотивами мгновенности человеческого земного бытия и неотвратимости смерти. Земной мир предстает как воплощение «сует» и страстей. В последний год жизни поэт сосредоточивает внимание на теме вечности, успокоения умершего в царстве правды. Но и в стихах 1790-х годов плачи остаются, подчеркивая настроение скорби, связанной с потерей человека, отличающегося добродетельными качествами. Во всех произведениях присутствует утверждение таких вечных ценностей, как милосердие, сострадание чужому горю, помощь нуждающимся, честность и пребывание в ладу со своей совестью, скромность. Эти добродетели, по мысли православного поэта, вознаграждаются в ином мире, души умерших обретают покой на Небесах, где нет ни горестей, ни мрачной ночи.

Список источников

1. Бронников К. Г. Поэт осмнадцатого столетия. Творческий путь Е. И. Кострова. Москва: Прометей, 1997. 80 с.
2. Державин Г.Р. На смерть князя Мещерского // Державин Г. Р. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1957. С. 85–87. (Библиотека поэта; Большая серия).
3. Костров Е. И. Стихи на кончину его превосходительства тайного советника, сенатора и ордена св. Анны кавалера Петра Васильевича Хитрова, последовавшую апреля 17 дня 1793 году // Поэты XVIII века. В 2 т. Т. 2. Ленинград: Сов. писатель, Ленинградское отделение, 1972. С. 112–190.
4. Костров Е. И. Стихи на кончину великого Патриота, Героя, Градоначальника и любезнейшего всем согражданина Его Сиятельства князя Василия Михайловича Долгорукого-Крымского // Московские ведомости. 1782. № 11. 5 февраля. С. 81.
5. Костров Е. И. Стихи на кончину его превосходительства, тайного советника, сенатора Петра Васильевича Хитрова, последовавшую апреля 17 дня, 1793 года. Москва: Унив. тип., у В. Огорокова. 1793. 4 с.

6. Костров Е. И. Стихи на кончину его сиятельства графа Федора Григорьевича Орлова, двора ея императорского величества действительного камергера и разных орденов кавалера, 1796 года, мая 17 дня. Москва: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796. 4 с.

7. Костров Е. И. Стихи на кончину его сиятельства князя Василия Владимировича Долгорукого // Московские ведомости. 1782. № 79. 1 октября. С. 631–632.

8. Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 344 с.

9. Лихачев Д. С. Экспрессивно-эмоциональный стиль конца XIV–XV в. // Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-chelovek-v-literature/ekspressivno-emocionalnyj-stil.htm> (дата обращения: 03.07.2023).

10. Маслова А. Г. Творчество Е. И. Кострова в контексте русской поэзии XVIII века. Киров: ООО «Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2019. 182 с.

11. Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Тарту, 1997. 159 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (дата обращения: 17.03.2018).

12. Саблина Н. П. «Жизнь жительствоует»: тема смерти и бессмертия у русских поэтов // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. С. 111–124.

13. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона [A word about the Law and Grace of Metropolitan Hilarion] [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-zakone-i-blagodati/slovo-o-zakone-i-blagodati.htm> (дата обращения: 03.07.2023).

REFERENCES

1. Bronnikov K. G. Poet os'mnadcatogo stoletiya. Tvorcheskij put' E. I. Kostrova [Poet of the eighteenth century. The creative path of E. I. Kostrov]. Moscow: Prometej, 1997. 80 p. (In Russ.)

2. Derzhavin G. R. Na smer' knyazy Meshcherskogo [To the death of Prince Meshchersky] // Derzhavin G. R. Stihotvoreniya [Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1957. P. 85–87. (Biblioteka poeta; Bol'shaya seriya). (In Russ.)

3. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego prevoshoditel'stva tajnogo sovetnika, senatora i ordena sv. Anny kavalera Petra Vasil'evicha Hitrova, posledovavshuju aprelja 17 dnja 1793 godu // Poety XVIII veka [Poets of

the XVIII century]. V 2 t. T. 2. Leningrad: Sov. pisatel', Leningradskoe otdelenie, 1972. P. 112–190. (In Russ.)

4. Kostrov E. I. Stihi na konchinu velikogo Patriota, Geroya, Gradonachal'nika i lyubeznejshogo vsem sograzhdanina Ego Siyatel'stva knyazyza Vasiliya Mihajlovicha Dolgorukogo-Krymskogo [Poems on the death of the great Patriot, Hero, Moscow mayor and most amiable fellow citizen of His Excellency Prince Vasily Mikhailovich Dolgoruky-Crimean] // Moskovskie vedomosti [Moscow Vedomosti]. 1782. № 11. 5 fevralya. P. 81. (In Russ.)

5. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego prevoskhoditel'stva, tajnogo sovetnika, senatora Petra Vasil'evicha Hitrova, posledovavshuyu aprelya 17 dnya, 1793 goda [Poems on the death of His Excellency, Privy Councilor, Senator Pyotr Vasilyevich Khitrov, following April 17, 1793]. Moscow: Univ. tip., u V. Okorokova. 1793. 4 p. (In Russ.)

6. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego siyatel'stva grafa Fedora Grigor'evicha Orlova, dvora eya imperatorskogo velichestva dejstvitel'nago kamergera i raznyh ordenov kavatera, 1796 goda, maya 17 dnya [Poems on the death of His Excellency Count Fyodor Grigoryevich Orlov, the court of her Imperial Majesty the real Chamberlain and various orders of the knight, 1796, May 17]. Moscow: Univ. tip., u Hr. Ridigera i Hr. Klaudiyaya, 1796. 4 p. (In Russ.)

7. Kostrov E. I. Stihi na konchinu ego siyatel'stva knyazyza Vasiliya Vladimirovicha Dolgorukogo [Poems on the death of His Excellency Prince Vasily Vladimirovich Dolgoruky] // Moskovskie vedomosti [Moscow Vedomosti]. 1782. № 79. 1 oktyabrya. P. 631–632. (In Russ.)

8. Larkovich D. V. G. R. Derzhavin i hudozhestvennaya kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniya [G. R. Derzhavin and the artistic culture of his time: the formation of an individual author's consciousness]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. 344 p. (In Russ.)

1. 9. Lihachev D. S. Ekspressivno-emocional'nyj stil' konca XIV–XV v. [Expressive and emotional style of the late XIV–XV centuries] // Lihachev D. S. Chelovek v literature Drevnej Rusi [Man in the literature of Ancient Russia]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/lihachev-chelovek-v-literature/ekspressivno-emocionalnyj-stil.htm> (data accessed 03.07.2023) (In Russ.)

10. Maslova A. G. Tvorchestvo E.I. Kostrova v kontekste russkoj poezii XVIII veka [E. I. Kostrov's creativity in the context of Russian poetry of the XVIII century]. Kirov: OOO «Izdatel'stvo «Raduga-PRESS», 2019. 182 p. (In Russ.)

11. Pogosyan E. A. Vostorg russkoj ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg. [The Delight of the Russian Ode and the solution of the poet's theme in the Russian panegyric of 1730–1762]: dis. ... d-ra filosofii po russkoj literature. Tartu, 1997. 159 s. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/534639.html#p.6> (accessed 17.03.2018) (In Russ.)

12. Sablina N. P. «ZHizn' zhitel'stvuet»: tema smerti i bessmertiya u russkih poetov [«Life lives on»: the theme of death and immortality among Russian poets] // Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]. 2005. Vyp. 7. P. 111–124. (In Russ.)

13. Slovo o Zakone i Blagodati mitropolita Ilariona. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/slovo-o-zakone-i-blagodati/slovo-o-zakone-i-blagodati.htm> (accessed 03.07.2023) (In Russ.)

HAGIOGRAPHIC TRADITIONS IN E. I. KOSTROV'S
«MOURNING» LYRICS

Anna G. Maslova

Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor
of Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University
(Kirov, Russia)

Abstract

The article examines the relationship of E.I. Kostrov's works, written on the death of prominent statesmen, with the hagiographic genre of Ancient Russia. For the first time it introduces into scientific use texts published in the XVIII century and not reprinted later: «Poems on the death of the Moscow mayor Prince Vasily Mikhailovich Dolgoruky-Crimean» (1782), «Poems on the death of Prince Vasily Vladimirovich Dolgoruky» (1782), «Poems on the death of His Excellency Count Fyodor Grigoryevich Orlov» (1796). The article also analyzes «Poems on the death of Senator Pyotr Vasilyevich Khitrov» (1793), included in the collection «Poets of the XVIII century» (1972). The study uses a comparative typological method. It establishes the continuity between the lamentations and rhetorical techniques in the works of Ancient Russia, mourning and glorifying the deceased saint, and the «mourning» elegies of E.I. Kostrov. The leading emotional themes in Old Russian hagiography and Kostrov's works are sorrow and admiration. The connection with the emotionally expressive style of ancient Russian literature is most clearly revealed in earlier mourning elegies. They give vivid emotional pictures of universal groaning, intensify the atmosphere of grief. Lamentations are also present in later works, but other themes prevail: philosophical arguments about life

and death and the depiction of the virtues and merits of the deceased. In all texts the cross-cutting motive is transmigration of the soul of the deceased into the space of Eternity which is associated with the Russian Orthodox mentality. The theme of faith in the peaceful life of the soul in Divine Villages turns out to be the leading one in the elegy written in the last year of E.I. Kostrov's life. The main idea of all the works is to affirm the virtue and immortality of those who led a righteous life on earth.

Keywords: Russian poetry of the XVIII century, old Russian hagiography, mourning elegy, hagiographic lament, axiology of literature

Для цитирования: Маслова А. Г. Житийные традиции в «траурной» лирике Е. И. Кострова // Libri Magistri. 2023. № 4 (26). С. 11–23.

Поступила в редакцию 01.08.2023